

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФАКТОР АКТИВИЗАЦИИ МЕХАНИЗМОВ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Л.Б. МОРГОЕВА

О высокой степени важности и значимости образа в языковых и речевых единицах общеизвестно. Исследователи, так или иначе соприкасающиеся с вопросами когнитивности и прагматики, наряду с другими вопросами совершенно справедливо и обоснованно обращают свое внимание и на категорию образности, которая в процессе мышления играет важную роль. Категория образности является обязательной составляющей понятия экспрессивности. Кроме того, при ее непосредственном участии формируются и закрепляются устойчивые выражения, высказывания и речевые формулы.

При решении интересующих нас механизмов на разных стадиях исследования возникает ряд вопросов, без рассмотрения которых дальнейшее продвижение в исследовании становится затруднительным и в некотором смысле невозможным. Именно потому считаем необходимым обращение в том числе и к исследованиям в различных направлениях науки.

Работ, посвященных лингвистическим категориям, косвенно соотносящимся и связанным с образностью, большое количество. Многие явления, такие как полисемия и метафора также основываются на образности. Во всех работах одной из основных является мысль о том, что за любым словом и устойчивым словосочетанием (т.е. фразеологизмом, как семантическим эквивалентом лексической единицы) стоит образ или метафора как проявление образа.

Известно, что ни одно существенно значимое речевое произведение или

текст не обходится без создания одного, ряда или комплекса образов.

Вместе с тем, давать научное определение понятию «образ» крайне сложно, поскольку оно имеет широкий спектр значений и стилистических оттенков, но не является термином в строгом своем значении. Тем не менее, это важная и неотъемлемая составляющая процесса мышления.

Гораздо употребительнее слова «образность», «образный», которые также имеют широкий спектр значений. В основном они используются для характеристики красочности, наглядности и живости **изображения**, и выступает как неотъемлемый признак всякого вида искусства, как форму преобразования и демонстрации с позиций эстетических идеалов.

Изображение как раз подразумевает не что иное, как образ, благодаря которому возникает образность.

В более узком понимании «образность» чаще встречается в сочетании «образность речи», создаваемая определенным набором лексически, фонетических и грамматических средств языка, а также искусным использованием синонимов, антонимов, омонимов, экспрессивной лексики и фразеологии. Если узкое понимание образности понятно и знакомо, то осмысление образности в широком смысле граничит с философскими рассуждениями.

С позиций философии, только человек наделен способностью творить, а значит создавать образы. Созданный образ способен существовать и жить в пространстве (в частности, в языке) до тех пор, пока он удерживается в созна-

нии, пока его способны представлять своей мыслью отдельный человек или люди. Подтверждением этому могут служить образы, сохраненные в языке в виде афоризмов, устойчивых выражений, фразеологизмов, ранее созданные в литературном или отдельном языковом творчестве. Исходя из этого, образность в речи/тексте понимается нами как результат творческого процесса вследствие возникновения образов. С другой стороны, это как раз та красочность, наглядность, живость изображения, которая впоследствии находит свое отражение в искусстве, творчестве, живописи и, наконец, что для нас самое важное, в речи и тексте.

Общеизвестно, что слово как языковой знак имеет самостоятельное значение, которое соотносится с конкретным образом, с отдельным фактом объективной действительности. Каждое слово посредством соответствующих образов пробуждает представления о предмете, явлении и т.д. Объективное, прямое, точное соответствие слова с обозначаемым предметом и явлением и т.д. традиционно называется денотативным значением слова, дополнительные же смыслы, приобретаемые словом в результате метафорического пересмысления — коннотативными смыслами. Таким образом, и прямые и переносные смыслы являются результатом возникновения или создания конкретного образа, будь то образ, соотносимый с реальным объектом, или образ, возникший в результате образно-ассоциативного осмысления.

К примеру, «мама» и «мать» являются словами с одинаковым смысловым наполнением. Различие в их толковании состоит в том, что «мама» — это мать (разг., употр. обычно при обращении детей к матери), а «мать» — это женщина по отношению к ее детям, самка по

отношению к ее детенышам. На основании этих толкований мы будем рассматривать их как максимально приближенные идентификаты (заметим, не синонимы, а именно полные эквиваленты). Более того, значение одного слова вполне соотносимо и приемлемо для другого: оба слова могут использоваться как для обозначения женщины по отношению к ее детям, так и в качестве обращения. Следовательно, это понятийно-смысловые эквиваленты.

Логично было бы тогда предположить, что идентификаты с одинаковым денотативным наполнением должны порождать одинаковый ассоциативный ряд. В действительности же образы, соотносимые с реальной действительностью у этих слов разные.

При том, что нет явных коннотативных наполнений в сравниваемых словах, образы, соотносимые с этими словами, имеют, не всегда четкие, но различные выражения. На стереотипный образ, соотносимый со словом, накладываются субъективные образные представления.

Наглядным подтверждением нашей мысли могут служить многочисленные самоучители, где излюбленным методом в начальной стадии изучения иностранного языка является так называемое изучение «по картинкам», когда читателю предлагают изображение с соответствующим лексическим обозначением на изучаемом языке. И здесь следует обратить внимание на то, что одни и те же слова, обозначающие простые предметы, в разных самоучителях изображаются не одинаково. Это как раз и есть результат возникновения у различных людей разных понятийных образов.

Процесс передачи информации в картинках существенно усложняется, когда речь идет о понятиях, действи-

ях, явлениях, поскольку их объяснение требует уже более сложных рисованных изображений, а точнее мини ситуаций. Не случайно изучение «по картинкам» применимо только на начальной стадии обучения иностранному языку.

Значение слова, называющее предмет или явление, претерпевает ряд изменений, которые сводятся к тому, что вещественное содержание наименования суживается, уступает место единичному представлению со множеством конкретных черт [7, 454].

Из общего числа лексических единиц наиболее сложными являются слова, не столько называющие реальные предметы, объекты, и даже не те, что называют явления, а те, что называют какие-либо понятия, поскольку для понимания и трактовки последних необходим комплекс образов. Этим и объясняется наличие в языке терминов, понятий, идиом, сложных вербальных кодов культуры и т.д.

Наравне с отдельными лексемами к языковым единицам относятся и комплексы слов (идиомы), которые также имеют семантическое соответствие с конкретным понятием и состоянием; они также формируют конкретные образы, с той лишь разницей, что комплексы слов создают ситуационный образ, обработка которого приводит к смысловому значению отдельной лексемы. Так происходит взаимообратный процесс. И если слова с предметным обозначением (условно обозначим их как «простые») ограничиваются соотношением с реальной действительностью, то более сложные понятийно-терминологические образы являются практически абсолютным подобием устойчивых выражений (ФЕ), но с обратным механизмом восприятия. Схематически понятие воспринимается через установленный абстрактный образ,

выстраиваемый посредством комплекса лексических единиц, а устойчивое выражение (ФЕ) через восприятие и обработку созданного образа рождает понятие. Таким образом, по нашему мнению, происходит в языке закрепление и сохранение собственно лексических единиц и устойчивых словосочетаний (ФЕ): когда лексико-фразеологические единицы приобретают, фиксируют и сохраняют посредством создаваемых образов свои предметно-логические значения.

Вместе с тем, специфика устойчивых выражений, на наш взгляд, отлична от собственно лексических единиц.

«Простые» образы возникают, как правило, при восприятии так называемых знаменательных частей речи. Оговорим, что междометиям также нельзя отказать в наличии образов. Междометие как часть речи лишенная смыслового значения в традиционном его понимании, в контексте нашего исследования тоже порождает образ, но не фиксированный, как в знаменательных словах, а с подвижными понятийными представлениями. Междометие только указывает на диапазон каких-либо чувств и эмоциональных состояний, и в каждом конкретном случае их может быть не одно, а несколько. Окончательный характер эмоционального состояния и степень его интенсивности определяется коммуникантам. При этом не исключен факт несовпадения качества, степени и интенсивности образов, создаваемых передающей и воспринимающей сторонами.

Ассоциативный ряд каждого слова с логико-смысловым содержанием имеет свой набор образов соотносимых с известными реалиями, доступными для понимания каждого индивида. Общение коммуникантов с разным уровнем и степенью понимания объективной реаль-

ности и разной уровнем интеллектуального наполнения (в том числе и различия культурные, возрастные, социальные и пр.) дают некоторую погрешность в совпадении восприятия и обработки реципиентом информации, созданной и выраженной собеседником.

Создание, обработка, восприятие и анализ полученной информации являются основными этапами процесса мышления, которое до настоящего времени является малоизученным явление, хотя механизмы этого процесса интересуют не только лингвистов, но и психологов, физиологов, нейролингвистов. Появление таких смежных научных направлений как нейролингвистика, психоллингвистика, этнолингвистика являются результатом признания того, что изучения процессов мышления вряд ли возможно без обращения к вербальному уровню, к языку. Понятно, что перспективы полного решения проблемы весьма отдаленные, а наши теоретические рассуждения носят, в известной мере, гипотетический характер и служат условной расстановкой основных акцентов процессов мышления и создания информации, подлежащей дальнейшему распознаванию и активации.

Еще В. Матезиус противопоставлял языковое, т.е. внеконтекстное, словарное значение слова и его «актуальное значение» считая, что «выразительная гибкость языка обуславливается двумя факторами. С одной стороны, мы не выражали языком действительности непосредственно, а всегда приводим ее к упрощенной форме, которая более пригодна для выражения, а с другой стороны мы используем при языковом выражении удивительные системы взаимно связанных знаков языка» [5]. Схожую мысль высказывали в свое время Е.Д. Поливанов [6, 296] и Л.С. Выготский [3, 335-336].

Удивительность системной связи языковых знаков объясняется преобразованием этих самых знаков в речевом высказывании, которое происходит вследствие взаимодействия словарного состава языка, служащего базой для назывных, номинативных актов и моделей предложений, составляющих базу для синтагматических, фразообразующих актов. «Из этих «кирпичиков» строится конкретное высказывание, содержательная сторона которого образует смысловую структуру, не равную сумме значений отдельных входящих языковых элементов» [2, 27].

Следовательно, включаясь в смысловую структуру высказывания, языковые единицы (значения слов или модели предложения) специфическим образом актуализируются. Именно эту «специфику» крайне трудно понять, логически последовательно описать и объяснить.

В современной теоретической лингвистике специфику актуализации языковых единиц пытаются объяснить с привлечением различных областей знаний и смежных дисциплин, в том числе нейролингвистики, занимающейся процессами мышления, а также созданием искусственного интеллекта на основе изучения мыслительных процессов человека [8].

Понятно, что мыслительные процессы невозможны без знания языка.

Грандиозность взаимосвязи языка и мышления становится особенно очевидной, если не упускать из виду различия между понятиями языковой способности и языка. «Один из наиболее многообещающих, но пока не использованных путей (вероятно, потому, что он требует солидной подготовки как в области лингвистики, так и в области нейрологии) — это изучение тех механизмов работы мозга, которые

делают возможной коммуникацию» [1, 24].

Каждая из форм языка (устная и письменная) имеют свои особенности, и соотношение между ними служит предметом давних непрекращающихся разногласий.

Условно говоря, устная речь всегда мотивирована и включена в ситуацию (синкретична). Присутствие слушателя, опора на внеречевой контекст, интонацию, жест позволяют собеседникам понимать друг друга с полуслова. Говорящий опускает психологическое подлежащее, известное из ситуации или предыдущей реплики и говорит лишь психологическое сказуемое. Так в обстановке ожидания трамвая на остановке «идет», «наш», «наконец-то» составляют психологическое сказуемое к известному собеседникам подразумеваемому психологическому подлежащему.

Говорящий может позволить себе чисто предикативные высказывания, потому что возможность переспроса, уточнения со стороны слушающего избавляют говорящего от необходимости специально заботиться о понятности речи [3, 238].

Письменная речь, наоборот, требует постоянные заботы о понятности сообщения для читателя, поэтому она не допускает пропусков, возможных в устной речи. И психологическое подлежащее и психологическое сказуемое здесь должны быть выражены. Отсутствие общей ситуации и непосредственного контакта с собеседником делает необходимым внутреннее воспроизведение адресата, его интериоризацию.

Постоянная необходимость становиться на позицию слушающего заставляет говорящего воссоздавать ситуацию, при которой необходимо продумывание специального отбора слов, их

последовательности для композиционной организации монолога.

Очевидная сложность письменной речи вызывает необходимость предварительного продумывания, мысленного черновика. «Этот мысленный черновик письменной речи и есть внутренняя речь. Роль внутреннего черновика эта речь играет не только при письме, но и в устной речи» [3, 341].

Учитывая особенности письменной и устной форм языка, последнюю условно можно назвать речью *явной*, предназначенной для всех участников речевой ситуации, даже если адресат один из участников. Письменная же речь имеет, как правило, одного адресата или ограниченный круг адресатов, потому она в некотором роде *приватна*. В отдельных случаях допустима и непреднамеренная адресация, когда знакомство с письменным текстом происходит без ведома составителя текста. Таким образом, при устной речи случайная адресация сводится к минимуму.

Исключительность соблюдения строгой адресации наблюдается в воспроизведении ритуальных текстов и некоторых видах речевых формул. В частности, молитвенные тексты, заклęcia, проклятия, реже отдельные формы благопожеланий, оградительные формулы. Во-первых, содержание этих текстов по ряду признаков обладает высокой концентрацией «магической» силы, а их прагматическая направленность строго мотивирована целевой установкой, что практически полностью исключает случайность «попадания».

Во-вторых, исключение случайной адресации контролируется обоими коммуникантами: говорящим почти всегда означает объект воздействия, а слушающим, в свою очередь, при необходимости используется оградительная формула. К примеру, если говорящим

произносится проклятие, налагаемое не на собеседника, то собеседник произносит оградительную формулу [4]; при произнесении же благопожеланий или молитвенных формул, как правило, собеседник использует ответное пожелание *иумәйагәй!* — «взаимно, всем нам», для вовлечения в поле потенциального вербального воздействия большее количество людей.

Несколько иначе обстоит дело с заклятиями, заговорами, которые в принципе не могут иметь реального адресата. Эти тексты обычно бывают обращены к природе, божествам, духам, и потому их речевое воспроизведение является частью ритуала.

Примечательна особенность в плане предпочтения устного или письменного воспроизведения так называемых ритуальных текстов. Молитвы, благопожелания, проклятия, клятвы и угрозы предполагают устное речевое оформление. Напротив, заклятия, заговоры, некоторые молитвенные формулы оформляются преимущественно письменно, а в некоторых случаях сопровождаются их устным дублированием. Это отнюдь не случайно, потому как со времен своего возникновения письму придавалась мифическая таинственность, отголоски которой сохраняются и по сей день.

Издавна письмо — это орудие власти. Воздействие письма еще сильнее, если оно окутано тайной. На ранних этапах становления и развития письма в силу объективных причин любое изображение языковых знаков могло и воспринималось как некое таинство. Скажем, у ацтеков знание письменности, столь же смешанного и сложного характера, что и египетская, было распространено исключительно среди жрецов и знатных особ; «письменность ацтеков, находясь на полпути между пик-

тографией и фонетизмом — на этапе идеографии, сохраняла изотерический характер, как и само знание в обществе с развитой иерархией» [1, 73]. В то же время у китайцев на протяжении почти тысячелетия письмо использовалось исключительно в ритуальной и магической функции.

В свете изложенного выше становится ясным, что и письменная речь и звучащая имеют свои особенности и рычаги воздействия на адресата. Особо это относится к ритуальным речевым жанрам, представляющим собой веками отточенные тексты с гармонично выстроенным звуковым ладом, точным смысловым содержанием и четким композиционным построением.

Слова и фразы в составе таких текстов обладают особой, почти поэтической, ритмикой, поддерживающей смысловые отношения между составляющими компонентами. При этом четко соблюдается общая композиционная динамика с характерными для каждого жанрового текста особыми ключевыми точками. В письменном тексте звуковая ритмика замещается символизмом языковых знаков, исторически закрепленным за ними, и хранящимся в генетической памяти человека.

Понятно, что не всякое слово или высказывание может иметь предельную степень воздействия, и не каждое слово внутри рассматриваемых текстов является экспрессивным, метафоричным или обладает каким-либо сверхзвуковым устройством. Большинство рассматриваемых текстов содержат нейтральные, с точки зрения стилистики, слова. Основной упор в них делается на созвучие лексических компонентов, обеспечивающее ритмичность, а также на последовательность точных образов, как правило, с применением некоторого ряда сравни-

тельных оборотов, задающих динамический тон всему тексту.

Исследования различных текстов дали возможность провести условную классификацию общего характера.

С опорой на изложенное выше, означенные тексты можно поделить на несколько групп:

1. Тексты осознанные, семантически распознаваемые, логически выстроенные, составленные на известном, чаще родном, языке и не нуждающиеся в какой-либо адаптации. К ним могут относиться любые формы ритуальных текстов.

2. Тексты, семантически трудно распознаваемые, с осложненным логическим построением, составленные на базе устаревших форм родного языка; В русском языке к ним относятся в основном церковные или иные ритуальные тексты (заговоры, заклинания).

3. Тексты, используемые в оригинале, составленные на древних языках (часто мертвых). К ним можно отнести тексты с особой магической направленностью. Кстати, по сведениям отдельных источников использование мертвых языков для эзотерических (или магических) целей гораздо предпочтительней в силу того, что он не изменяется и не нагружается дополнительными смыслами и значениями, что свойственно живому языку.

4. Тексты комбинированные, частично адаптированные, с сохранением оригинальных форм языческих названий и имен божеств, покровителей, духов и т.д.

С точки зрения лингвистической прагматики для нас большой интерес представляет первая группа, где тексты составлены полностью на живом распознаваемом языке. Тексты, относимые нами к этой группе, находят наиболее активное употребление в силу доступ-

ности понимания, а значит и практического применения. Несмотря на жесткую композиционную организацию, они при необходимости поддаются семантико-стилистической модификации.

Опуская атрибутику обрядовых действий, рассмотрим изложенные выше положения на примере текстов разносистемных языков с различным набором культурных кодов.

«Помоги, Господи, в моем торге, в менятельстве, в купле, в продаже: от злых, завистливых глаз, от порчи и разорения, от всякого зла наведения. Как пчелы к сладкому меду слетаются, так пусть и покупатели к моей лавке сбегаются, хвалят мой товар и берут, да еще не раз ко мне на порог придут. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Ныне и присно и во веки веков. Аминь».

В приведенном тексте отсутствуют признаки лексических способов экспрессивизации текста. Механизмы воздействия опираются на стилистические приемы, которыми изобилует этот небольшой текст: перечисление созвучных слов (*разорение — наведение слетаются — сбегаются, берут — придут*), за счет чего создается ритмичность текста; перечисления действий (*слетаются — сбегаются — хвалят — берут — придут*) или процессов (*торг, мена, купля, продажа*), выстраивающих динамику событий; развернутые сравнительные обороты (*Как пчелы к сладкому меду слетаются*), обеспечивающих точное представление желаемой ситуации; эзотерические понятия (*злой глаз, завистливый глаз, порча*) и вербальные атрибуты религии (*Господи, аминь* и др.).

Композиционно выявляется схематичность: установка действия, обращение, указание области деятельности, подлежащей изменению, описание желаемого результата, ключ и замок

(Аминь), закрепляющий весь вербальный ритуал.

Сравним с осетинским ритуальным молитвенным текстом:

Хуыцау æмæ Тутыр, баххуыс кæнут. Уацилла! Хор дæттæг дæ æмæ нæ хор æмæ цардæй бафсад. Уацилла хъæздыг комы хуым куы кодта, Фæлвæра галдарæг куы уыдис, Майрæм мыггаг тауæг, Уастырджы бæрзондæй куы касты, гъеуад цы хор æрзадис, уыцы хор та дзыллæ-адæмæн, Хуыцау, æрзайын кæн!

— Цы курут, лæппутæ? | — Хор, хор, хор! | — цы курут, лæппутæ? | — Хор, хор, хор! | — Цы курут, лæппутæ? | — Хор, хор, хор!

Хор æмæ уæ цардæй Хуыцау бафсадæд! Оммен!

«Господь и Тутыр, помогите. Уацилла! Ты даруешь хлеб и насыть нас хлебом и жизнью. Когда Уацилла в богатом ущелье пахал, Фалвара стада держал, Мария (Марьям) зерно сеяла, Уастырджы с высот смотрел, хлеб, что вырос тогда, ниспосли народу-людям опять, Господи!

— Чего просите, юноши ? /— Хлеб, хлеб, хлеб! / — Чего просите, юноши? / Хлеб, хлеб, хлеб! / — Чего просите, юноши? /— Хлеб, хлеб, Хлеб!

Да насытит вас хлебом и жизнью Господь! Аминь!»

Как видим, оба приведенных текста композиционно мало отличаются друг от друга. Но жанровые различия и, главным образом, этнокультурные особенности не могли не отразиться на их содержании и выборе стилистических приемов. Если в первом тексте образ создается с опорой на природный факт, то во втором образ мифический. В первом тексте динамика событий достигается путем перечисления предстоящих действий, приводящих к желаемому результату, во втором же — с отсылкой к прошлому перечисляются

действия, опосредованно связанные с желаемым результатом. В обоих представленных текстах присутствует императивность, однако, в первом тексте она носит характер условно-предположительного допущения и рассредоточена по всей образной части жанровой конструкции, тогда как во втором она сконцентрирована в предложениях, расположенных в начале текста, как установка, и в конце, как закрепление этой установки.

В качестве завершающей части в обеих магических (ритуальных) формулах выступают обращение к высшим силам и слова-«замок» (*Аминь!*, *Да будет так!*, *Слово мое твердо!*), которые «запечатывают» формулу.

Итак, даже на предварительном этапе рассмотрения ритуальных текстов становится понятным и очевидным, что система выстраивания образов отлична друг от друга и продиктована культурными особенностями каждого этноса, притом, что мотивация и прагматическая установка обнаруживают явные сходства.

Однако рассмотренные тексты останутся всего лишь текстами без участия человеческого сознания и мышления (говорящего и собеседника), поскольку они предназначены для восприятия и обработки человеческим сознанием. Специфика самих текстов такова, что они способствуют вхождению в необходимое эмоционально-психологическое состояние, при котором достигается наиболее яркое представление передаваемых образов. Очевидно, такое состояние вполне можно назвать самогипнозом или самовнушением.

Схожее состояние наблюдается и в случае с проклятиями. Отправным моментом этого состояния, предположительно, является обращения к высшим

силам, поскольку авторитет их не подлежит сомнению и преклонение этим авторитетам заложено в каждом индивидууме на генетическом уровне, вне зависимости от вероисповедания или его отсутствия.

При таком ракурсе рассмотрения проблемы участие мышления в создании образов, и значимость создаваемых образов в восприятии созданных текстов бесспорны. Следовательно, лингвистическими факторами активизации речевого воздействия являются, в первую очередь, яркий образ и всевозможные доступные стилистические

приемы, усиливающие это воздействие. В устном их воспроизведении к ним добавляются фонетические и акустические возможности, регулирующие интенсивность, тональность и силу воспроизводимого текста. Все это оказывается чрезвычайно важным для ритуальных и обрядовых текстов различной направленности, поскольку в основном они все нацелены на получение результата, не предполагающего никаких усилий и участия самих коммуникантов. Основная их задача состоит в актуализации созданных образов в воспроизводимых текстах.

1. Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки: Пер. с фр. М., 2006.
2. Ахутина Т.В. Порождение речи: нейролингвистический анализ синтаксиса. М., 2008.
3. Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6-ти томах. М., 1982-1984. Т. 2. С. 333-336.
4. Моргоева Л.Б. Формулы-обереги как особый тип устойчивых выражений // Фундаментальные исследования. № 9 (часть 5). 2014. С. 1126-1130.
5. Матезиус В. Язык и стиль: Сб. статей // Пражский лингвистический кружок / Сост., ред. и предисл. Н.А. Кондрашова. М., 1967. С. 444-523.
6. Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
7. Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
8. Шамис А.Л. Пути моделирования мышления: Активные синергетические нейронные сети, мышление, творчество, формальные модели поведения и «распознавание с пониманием». М., 2006.